
Полные гнёзда пищат вдали,
в играх щенята смешно рычат.
Вешние веси лежат в пыли,
их не поднять, не погнув рычаг.

Ветер по миру бежит, столап.
Мы разложили сердца свои
на бесконечных Твоих столах –
выйди из Дома, благослови.

Слово – от слова, от света – свет,
к храму от храма идёт волна.
Встретишь в толпе, коль душой не слеп,
Деву, Предтечу или Волхва.

Может быть, там и себя найдёшь,
небом начертан, пространством спет.
Впитывай, внемли, пока не дождь,
впрок запасайся, пока не снег.

На дирижаблях гудят винты.
Уголь в кадиле багров, раздут.
Звёзды на небе дневном видны.
Слышно, как где-то цветы растут –

и оплетают, дыша, пьяня,
прах, что когда-то был валуном,
вход преграждавшим всего три дня –
в давнем апреле, в краю ином.

А ветер всё стонет, как голос из штольни,
как призрак, что слышен лежащим в постели,
он бродит и шепчет сквозь плотные шторы:
«Мы все не отсюда, мы все прилетели».

Я в целом согласен, мне смутно и странно,
когда из неведомо как сочинённых
глубин тихо светится млечная рана,
как накипь весёлых весенних черёмух.

И вечное эхо витает над нами,
и есть в этом что-то, признайте, от сюра:
«Однажды мы станем травой и волнами.
Мы все прилетели, мы все не отсюда».

Я лягу на землю, и корни из пальцев
уйдут глубоко, через камни и складки,
туда, где встречаются взгляды скитальцев,
бродящих у края великой догадки.

Взойду на вершину, чтоб стать откровенней,
и может быть, даже увижу скрижали
с подсказками для мировых уравнений –
из тех, что решали, да не дорешали.

Услышу, как дождь барабанит по вёдрам,
свергаясь в земные пространства с небесных;
услышу, как рыбы молчат о подводном,
как птицы поют о заоблачных безднах.

Прокатится рокот от норда до зюйда,
в морях с парусами, в степях с табунами:
«Мы все прилетели, мы все не отсюда,
но нет ни следов, ни дороги за нами».

И ясно увижу, сигналами полон,
что зонд, позабыли давно о котором,
подобен тому, кто проснулся и понял –
и с криком бежит по ночным коридорам.

В Арктике

Окружив, неслышно обойдя,
поднимаясь к небу в отдаленье,
море мягко трётся о борта
и качает головы тюленьи.

Острова, темнея и кривясь,
подплывают – камни, перья, пустошь...
И, когда вконец заглохнет связь,
Север целиком в себя запустишь –

там, за городами, за Губой,
безнадёжно вмёрзшей в Ледовитый;
в тишине – холодной и рябой;
с ледяной, в борта скребущей свитой.

А в ночи, среди облаков и вод,
светлячком над дремлющей поляной,
ты увидишь: в высоте плывёт
небосвод, приколотый Полярной.

Чуть колеблют чёрную парчу
звёздные загадочные недра.
Море держит яхту, как свечу,
прикрывая парусом от ветра.